

ИССЛЕДОВАНИЯ

Дмитрий Иванович Литвинов: материалы к биографии

А.К. СЫТИН

Ботанический институт им. В.И. Комарова РАН, Санкт-Петербург, Россия;
astragalus@mail.ru

Дмитрий Иванович Литвинов (1854–1929), систематик, ботанико-географ и библиограф, учёный хранитель Ботанического музея АН. Разработанный им исторический метод ботанической географии («теория реликтов») оказал значительное влияние на изучение истории растительного покрова Восточной Европы. На основе трудов самого Литвинова, а также современной ему периодики освещена дискуссия с В.И. Талиевым, противопоставившим «теории реликтов» концепцию антропогенного фактора в изменении флоры. В качестве приложения публикуются материалы из фонда Литвинова (СПб филиал Архива РАН), отражающие существенные факты его биографии.

Ключевые слова: Д.И. Литвинов, биография, история флоры, гипотеза «горных боров», реликты, В.И. Талиев, теория антропогенного происхождения сообществ.

Прекрасное знание флоры Средней России позволило Дмитрию Ивановичу Литвинову подойти к истории развития её с той же широтой мысли, с какой незадолго до этого Энглер излагал историю развития флоры всего Земного шара.
Городков (1929, с. 921)

Дмитрий Иванович Литвинов — выдающийся ботанико-географ, флорист-систематик и библиограф, поразительно много сделавший для развития как Ботанического музея Академии наук (БМАН), так и учения об истории растительного покрова Европейской России, остается недооцененной фигурой — биография учёного не написана. Между тем, жизнь Литвинова — мыслителя и человека — заслуживает пристального внимания. В этой статье впервые публикуются документы из Санкт-Петербургского филиала архива РАН, отражающие поворотные точки биографии Литвинова, представлены два неизвестных прежде его портрета, а также предпринята попытка анализа ряда источников, посвящённых его основной научной теме — ботанико-географической

проблеме реликтовых видов растений на юге Восточной Европы. Анализ трудов Литвинова свидетельствует о причастности к исторической фитогеографической школе Адольфа Энглера, различавшей в современной флоре составляющие элементы её древнего автохтонного базиса и разновозрастность фракций. Это закономерно — русская ботаника имела германские корни и развивалась как параллельная ветвь на мировом древе естественных наук. Однако в общем развитии фитогеографии интереснее выявить становление оригинального научного направления, которое формировалось благодаря исследованиям П.С. Палласа, Ф.И. Рупрехта, С.И. Коржинского, наблюдавших взаимодействие флоры и природной среды в географическом пространстве Северной Евразии — тех особенностей отечественной ботанической географии, которую разрабатывал и Литвинов. Poleмика с оппонентом Литвинова — В.И. Талиевым, не признававшим реликтового характера своеобразных сообществ растений на каменистых субстратах и объяснявшим их существование деятельностью человека — кочевника и скотовода, фокусировала важнейшие дискуссионные темы русской ботаники: взаимоотношения леса и степи, происхождение чернозема, влияние покровного оледенения, возраст и таксономический ранг эндемиков, и тем самым оказалась чрезвычайно плодотворной для последующих попыток интерпретации истории растительного покрова.

Случай Литвинова как автодидакта, становящегося классиком, в русской ботанике не уникален, но весьма характерен для понимания существовавшей оппозиции учёных Москвы и Санкт-Петербурга. К плеяде столь же успешных «любителей» науки о растениях принадлежал учитель Литвинова — московский профессор Василий Яковлевич Цингер (1836–1907) — математик по основной специальности и знаток флоры Европейской России. Коммерсантом по образованию был Дмитрий Петрович Сырейщиков (1868–1932) — автор классической «Иллюстрированной флоры Московской губернии» (Т. 1–4; 1906–1914)¹, организатор гербария Московского университета, в настоящее время носящего его имя. Любовь к растениям объединяла московских любителей ботаники, она сказывалась и в особой эстетике, почти культе, гербарного листа.

Официальная «петербургская, немецкая» наука казалось москвичам преисполненной рутинных, педантических приемов, тогда как свобода научного творчества способствовала осмыслению общих законов развития флоры и растительности, наблюдаемых непосредственно в поле, что в меньшей степени было свойственно петербургским таксономистам, описывавшим новые виды растений по гербарным образцам, собранным штатными коллекторами. За три десятилетия, в течение которых Литвинов занимал должность ученого хранителя Ботанического музея Академии наук (БМАН) в Санкт-Петербурге, специализация этого учреждения менялась в направлении познания динамических процессов, протекающих в растительном покрове. Какова была роль Литвинова в этом преодолении статичности? С его участием осуществлялись задуманные С.И. Коржинским проекты — в том числе «Флора Сибири и Дальнего Востока», для которой он создал монументальную сводку «Библиография флоры Сибири» (1909). Литвинов курировал «Гербарий русской флоры» — издание эксикат (эталонных образцов вида, собранных из одного географического

¹ «Иллюстрированная флора...» Д.П. Сырейщикова — критическая таксономическая сводка, благодаря довольно простым ключам для определения и внятным аналитическим изображениям растений стала весьма популярным пособием, чему способствовали также большой тираж и доступная цена.

пункта в числе не менее 50 экземпляров растений), продолжающееся и по сей день. Для подготовки его Литвинов получал гербарные материалы из отдалённых и труднодоступных уголков Российской империи, переписываясь как с профессионалами, так и с многочисленными любителями ботаники. Дух демократизма, преодолевавший кастовую замкнутость официальных учреждений, полнее отвечал потребностям времени и государства — образованный слой российского общества созрел для серьёзных отношений с наукой, об этом свидетельствует сохранившаяся корреспонденция, которую вёл Литвинов. В первых десятилетиях XX в. предначертаниями И.П. Бородин² и А.С. Фаминцына³ происходило объединение творческих сил в Русское Ботаническое общество, учреждённое в 1915 г., не только ради координации исследовательской деятельности, просветительских целей или этических принципов, но шире, в русле гуманистических тенденции взаимодействий мировой науки, в которой Россия начинала играть лидирующую роль.

Идеи С.И. Коржинского об эволюции растительного покрова, способствовали пониманию флоры как природной системы и вдохновляли учение о флорогенезе. Существенный вклад в познание истории флоры внёс Литвинов. Истоки самобытного направления отечественной биогеографии рождало само обширное географическое пространство, позволявшее развернуть сравнительные исследования на территориально удалённых объектах. Начиная с наблюдений о связи изменчивости растений с условиями местообитаний П.С. Палласа⁴, традиция получила развитие в исследованиях о чернозёме Ф. Рупрехта⁵, теоретически осмысливалась С.И. Коржинским, продолжилась трудами самого Литвинова и ботаниками последующего поколения, прежде всего младшими коллегами Литвинова по БМАН, ставшими корифеями советской ботаники — С.С. Ганешин⁶, В.И. Сукачев⁷, А.И. Лесковым⁸, Б.Н. Городковым⁹, А.И. Толмачевым¹⁰, а затем и в работах современных ботанико-географов Е.М. Лавренко¹¹, Б.А. Юрцева¹² и Р.В. Камелина¹³.

² Бородин Иван Парфеньевич (1847–1930) — ботаник, анатом и физиолог растений, систематик, общественный деятель, первый президент Русского ботанического общества (с 1916). В 1902–1930 гг. — директор БМАН.

³ Фаминцын Андрей Сергеевич (1835–1918) — ботаник, физиолог растений, эволюционист.

⁴ Паллас Петер Симон (1741–1811) — натуралист и путешественник.

⁵ Рупрехт Франц Иванович (1814–1870) — ботаник, флорист-систематик, ботанико-географ, директор БМАН (1855–1870). О его работе, посвященной происхождению чернозема, см.: Федотова, 2008.

⁶ Ганешин Сергей Сергеевич (1879–1930) — флорист, ботанико-географ, систематик.

⁷ Сукачев Владимир Николаевич (1880–1967) — ботанико-географ, лесовод, один из основоположников биогеоценологии, создатель геоботанической школы в СССР.

⁸ Лесков Александр Иванович (1902–1942) — геоботаник, флорист-систематик.

⁹ Городков Борис Николаевич (1890–1953) — геоботаник, ботанико-географ, исследователь флоры Арктики.

¹⁰ Толмачев Александр Иннокентиевич (1903–1979) — ботанико-географ, систематик, основоположник учения о конкретных флорах.

¹¹ Лавренко Евгений Михайлович (1900–1987) — ботанико-географ, геоботаник, автор работ по районированию растительного покрова Евразии и Северной Африки (степей и пустынь).

¹² Юрцев Борис Александрович (1932–2004) — ботанико-географ, систематик, исследователь флоры Арктики, автор работ по сравнительной флористике.

¹³ Камелин Рудольф Владимирович (р. 1938) — ботанико-географ, систематик, автор работ по сравнительной флористике, флороценогенезу горных систем Евразии.

Дмитрий Иванович Литвинов родился в Москве 17 (29) декабря 1854 г. в семье секретаря Московского горного правления И.П. Литвинова. Его дед по отцу был крепостным крестьянином, отпущенным на волю из курского имения помещика Скарятина, а дед по матери — купцом 2-й гильдии.

Литвинов учился в 1-й Московской гимназии у Пречистенских ворот на Волхонке, среди выпускников которой немало известных учёных. Это ботаник Николай Иванович Анненков (1819—1889), автор замечательного «Ботанического словаря» (1878), он первым в России издал эксикаты 800 видов засушенных растений московской флоры “*Flora mosquensis exicata*” (аналогичным изданием позднее занимался и Литвинов), ботаник и биохимик, академик АН СССР Владимир Иванович Палладин (1859—1922), ботаник-миколог и морфолог, член-корреспондент АН СССР Владимир Митрофанович Арнольди (1871—1921), флорист, ботанико-географ, географ-ландшафтовед, профессор МГУ Сергей Григорьевич Григорьев (1874—1931). Отметим и уже упоминавшегося В.Я. Цингера, математика и ботаника, а также его сына — Николая Васильевича Цингера (1865—1923), морфолога-эволюциониста и автора классических работ по видообразованию растений — обоих связывали с Литвиновым профессиональные и дружеские отношения. Среди видных учёных выпускниками 1-й Московской гимназии были химик-органик, академик АН СССР Сергей Семенович Намёткин (1876—1950), зоолог Владимир Васильевич Попов (1841—1900), натуралист, путешественник, теоретик анархизма князь Пётр Алексеевич Кропоткин (1842—1921), физик и философ Николай Алексеевич Умов (1846—1915). Классическое гуманитарное образование, блестяще поставленное в этом учреждении, формировало культуру мышления. Весьма основательно здесь преподавались и естественные науки. Владимир Васильевич Григорьев (1830—1901) — автор неоднократно переиздававшегося учебника «Руководство по ботанике» (1861—1866), в котором рассмотрены органография, морфология, систематика, анатомия, физиология, география растений, а также имелся раздел по палеоботанике (Липшиц, 1950, с. 42). Григорьев читал гимназистам курс естественной истории и проводил экскурсии, — он являлся автором методического пособия по ботаническим наблюдениям в зимнее время. Григорьев поддержал увлечение гербаризацией ученика пятого класса Литвинова и направил его к знаменитому выпускнику той же гимназии — математику В.Я. Цингеру.

Профессор Московского университета, основоположник московской школы геометров, один из учредителей Математического общества, в ту пору занимавший пост декана физико-математического факультета Московского университета, Цингер серьёзно занимался ботаникой. Природа окрестностей Мелеховки, имения его матери в Тульской губернии и общение с профессором Н.Н. Кауфманом¹⁴, автором превосходной «Московской флоры» (1866), способствовали увлечению флористическими исследованиями Цингера¹⁵. Тренированный интеллект математика и его

¹⁴ Кауфман Николай Николаевич (1834—1870) — ботаник, профессор Московского университета и директор Ботанического сада, ученик К.Ф. Рулье. Кроме чтения лекций, считал необходимым для студентов практические занятия и экскурсии на природу. Обратил внимание на феномен «окской флоры», полагая, что растения, ее составляющие, занесены из южных чернозёмных территорий.

¹⁵ По словам Н.И. Кузнецова, «в свои работы по ботанике Н.Я. Цингер внес точность и строгость математического метода работ, а вместе с тем, обладая организаторским талантом, привлек к работе своей целую армию сотрудников, благодаря которой в короткое время достиг результатов, которые казались недостижимыми в то время» (Кузнецов, 1907, с. 207).

организаторские способности¹⁶ в короткий срок позволили ему стать признанным знатоком флоры средней полосы России.

Начиная с 1877 г. Цингер исследовал флору и растительность Центральной России вместе с ботаником Дмитрием Александровичем Кожевниковым (1858–1882). Выпускник Московского университета, ученик профессора Ивана Николаевича Горожанкина (1848–1904), Кожевников отличался большим разнообразием научных интересов, в частности занимался исследованиями сравнительной морфологии цветка, однако главной его специальностью являлась флористика. Он самостоятельно исследовал флору Тамбовской, а вместе с Цингером — Тульской губерний. Важным итогом стала публикация их совместного труда «Очерк флоры Тульской губернии» (1880). Обратим внимание, что здесь использовался термин «формация», принятый Литвиновым в его «Очерке растительных формаций степной юго-восточной части Тамбовской губернии» (1884). Классический труд Цингера «Сборник сведений о флоре Средней России» (1886) включал описание 1749 видов сосудистых растений. Цингер приобрел к работе значительный круг ботаников-любителей, что впоследствии делали и многие другие профессиональные ботаники, в том числе и С.И. Коржинский для издания эксикат «Гербария русской флоры»¹⁷. Так как слабое здоровье Кожевникова не позволяло ему пребывать в северном климате, он принял в 1880 г. доцентуру в Новороссийском университете в Одессе, но уже через два года его не стало. Он умер на юге Франции, в Ментоне, 11 апреля 1882 г. Позднее Литвинов назвал в память о нём два вида — осоку (*Carex koshewnikowii* Litv.)¹⁸ и камыш (*Scirpus koshewnikowii* Litv.).

Рекомендованный Цингеру Григорьевым юный Литвинов произвел благоприятное впечатление в немалой степени благодаря качеству собранных им коллекций. Казалось бы, судьба вела Литвинова к поступлению в университет после окончания гимназии. Однако, прервав обучение, не закончив шестого класса, он поступил в Императорское московское техническое училище (ныне МГТУ им. Н.Э. Баумана) и окончил его в 1879 г. с дипломом механика-строителя. Он стал преподавателем, а позднее инспектором Технического железнодорожного училища в Калуге (рис. 2). Тем самым

Рис. 1. Дмитрий Иванович Литвинов после окончания Императорского московского технического училища в 1879 г. (СПФ АРАН. Разр. X. Оп. 1-л. Д. 231)

¹⁶ Цингер получал небольшие коллекции от десятков любителей. См. об этом: Цингер, 1885.

¹⁷ Координатором этого проекта стал Литвинов. О привлечении профессиональными ботаниками натуралистов-любителей к работе над составлением региональных флор в России см. главу «Критические обзоры Н.И. Кузнецова и невидимый колледж ботанико-географов» диссертации А.А. Федотовой (2012); в Германии — см., к примеру, книгу Нильса Гутлера (Guettler, 2014).

¹⁸ Литвинов описал осоку Кожевникова по сборам С.И. Коржинского из Средней Азии в 1910 г. Этот вид чрезвычайно близок *Carex litvinovii* Kük., описанной в 1904 г. по экземплярам Литвинова из Туркестана немецким ботаником Георгом Кюкенталем, названной в честь коллектора.

Литвинов обрёл материальную независимость и возможность путешествовать, используя для экскурсий время летнего отпуска.

Литвинову пришлось заместить заболевшего Кожевникова в совместных полевых исследованиях с Цингером, для которых использовались два каникулярных месяца. Они совершили ряд экскурсий по губерниям Европейской России в 1877, 1878, 1879 и в 1882 гг.

Одно из совместных путешествий с Цингером оказалось особенно удачным. 15 июня 1882 г. они обнаружили богатую и своеобразную флору в урочище Галичья Гора на Дону (ныне Государственный природный заповедник Галичья Гора в Липецкой области). Здесь были найдены виды редчайших растений: обитающие в трещинах скал белые подушки шиверекии (*Schivereckia hyperborea* (L.) Berkutenko (= *S. podolica* (Bess.) Andr. ex DC.)), колокольчик алтайский (*Campanula altaica* Ledeb.), лапчатка бедренцевая (*Potentilla pimpinelloides* L.), шлемник приземистый (*Scutellaria supina* L.), оносма простейшая (*Onosma simplicissima* L.), эфедра двуколосковая (*Ephedra distachya* L.) и др. Удалённость местонахождения этих растений от их основных ареалов, расположенных в горных системах Евразии, заставили Литвинова предположить, что этот комплекс является реликтовым, не уничтоженным покровным оледенением, он сохранился благодаря своеобразным условиям места — платообразного возвышения (235 м над уровнем моря) правого берега Дона, сложенного девонскими известняками. Обнаружение этой «страны живых ископаемых», как позже назовёт подобные участки реликтовой растительности Б.М. Козо-Полянский¹⁹, предопределило направление исследований Литвинова.

Служба в училище, где он преподавал технические дисциплины, поглощала немало сил и времени, но Литвинов, изучая флору, исходил вдоль и поперёк ближайшие окрестности Калуги. Некоторые находки Литвинова — осока расставленная (*Carex distans* L.), лапчатка прямая (*Potentilla recta* L.), повойничек мокричный (*Elatine alsinastrum* L.) — не удалось повторить современным флористам (Решетникова и др. 2010, с. 13). Он опубликовал «Список растений дикорастущих в Калужской губернии с указанием полезных и вредных» (1895), содержащий данные о распространении 871 вида сосудистых растений, изданный Калужским обществом сельского хозяйства.

Рис. 2. Техническое железнодорожное училище в Калуге
<http://kaluga-apx.livejournal.com/60181.html?thread=514581>

¹⁹ Козо-Полянский Борис Михайлович (1890–1957) — систематик-филогенетик, профессор ботаники Воронежского университета. Странник гипотезы Литвинова в области исторической ботанической географии, подтвердивший реликтовый характер многих представителей кальцефильной флоры Среднерусской возвышенности.

Здесь же, в Калуге, в октябре 1890 г. он завершил свои «Гео-ботанические»²⁰ заметки о флоре Европейской России» (1891). В этой небольшой работе изложена одна из важнейших гипотез, дающая ключ к пониманию истории флоры лесостепной и степной областей Восточной Европы. Литвинов различает здесь сосновые леса как два различных типа растительности: широко распространённые сосняки на песках и так называемые «горные боры» — сосновые леса (*Pinus sylvestris* L.) на южном пределе распространения с характерным участием в травяном покрове степных и лугово-степных растений, приуроченных к выходам мела, доломитов и известняков. Степной покров «горных боров» Литвинов считал остатками доледниковых степей, где наряду с сосной

«наблюдается появление целого ряда других растительных форм, имеющих весьма ограниченное распространение в данной округе, причем другие ближайшие обитания этих видов находятся иногда за сотни и тысячи вёрст отсюда. Все эти растения, как мы увидим, имеют решительный горно-альпийский характер, так как в других местах растут исключительно в горных местностях, иногда только на альпах²¹. Мало того, в числе растений этих замечательных сообществ чаще всего попадают эндемические формы, вообще чрезвычайно редкие в Европейской России, как и вообще в равнинах, так как наибольшим эндемизмом всегда отличаются горные местности, большей геологической древности, чем равнины, и где, поэтому, могут сохраняться до нашего времени элементы более древней, отжившей теперь, флоры» (Литвинов, 1891, с. 5–6).

Здесь Литвинов ссылается на классическую работу Адольфа Энглера (1844–1930) «Опыт исторического развития растительного мира» (Engler, 1879), утверждая тем самым приверженность к школе эволюционного метода в фитогеографии. Однако заметим, что преемственность отечественного учения о флоре как системе ярче характеризует цитирование Литвиновым в более поздней работе высказывания петербургского академика Франца Ивановича Рупрехта (1814–1870):

«ныне живущие растения представляют как бы слова, которые, будучи правильно связаны, дают возможность читать историю земной поверхности до третичного периода» (Литвинов, 1902, с. 109).

«Структуралистский» подход, уподобления растительного покрова некоему тексту, основанные исключительно на анализе рецентной (современной) флоры независимо от данных палеоботаники и геологии, утверждал суверенитет ботанической географии как особой дисциплины. Первенство ботанико-географических данных не отменяло использования геологических и палеоботанических данных в реконструкциях истории флоры, тем более что на рубеже веков уже предполагалось существование чередования климатических фаз потепления и похолодания, влиявших на характер и распространение ледникового покрова, тем не менее эпитет «доледниковый» ещё

²⁰ Значение этого термина не вполне идентично его современному содержанию. См. к примеру: «Гео-ботаника — этим названием предложено было заменить название “География растений” (Гризбах), но часто ему дают более тесное значение, подразумевая (Рупрехт) под именем Геоботанического изучения флор и почв данной страны во взаимной их связи и во взаимном их друг на друга влиянии — это топография растений в тесном смысле. Сюда относят учение о растительных формациях и об их распределении» (Бекетов, 1892, с. 368).

²¹ Имеется в виду альпийский высотный пояс (2000–3500 м над уровнем моря).

прочно ассоциировался с третичным периодом. Устаревшая интерпретация будет ещё долго искажать датировки возраста реликтовых видов растений, нарушая геологический масштаб и временную последовательность явлений, смешивая понятия о нео- и палеоэндемизме, но, разрабатывая метод, Литвинов опирался на данные современной ему палеогеографии:

«Литвинов указывает на замечательное соотношение между геологическими²² и ботанико-географическими особенностями этих боров, с сопутствующей им флорой: они всегда располагаются на участках, не покрывавшихся льдом во время ледникового периода <...> Южные острова горных боров находятся как раз на окраине бывшего ледника; их сосна и особая флора представляют остатки плиоценовой и ледниковой флоры» (Городков, 1929, стлб. 922).

Эколого-географический анализ характерного для *горных боров* комплекса петрофитных (т. е. растений каменистых субстратов) видов позволял выдвинуть предположение о реликтовой природе этих *сообществ*. Подчеркнём, что Литвинов основывается в своей гипотезе прежде всего на выделении элементов растительности, затем выявляет комплекс характерных видов и лишь после этого переходит к анализу эколого-географической природы каждого из видов, составляющих комплекс. Вопрос о датировке возраста реликтовых видов и сообществ и теперь остается крайне дискуссионным. Однако благодаря исследованиям флориста и ботанико-географа Гуго Эдгаровича Гроссета (1903–1981), критически пересмотревшего возраст «третичных» реликтов Восточной Европы, их датировка временем позднего плейстоцена — голоцена кажется наиболее оптимальной (Гроссет, 1935).

Солидная и аргументированная гипотеза Литвинова, реконструирующая сложную историю флоры юга России, вызвала несогласие молодого приват-доцента Харьковского университета Валерия Ивановича Талиева (1872–1932), настаивавшего на антропогенном происхождении и самих местообитаний, и состава этих сообществ, объясняя появление чуждых аборигенной флоре видов непреднамеренным заносом человека. Сторону Талиева принял и его учитель, профессор Казанского университета Андрей Яковлевич Гордягин (1865–1932). Дискуссия, которая началась между оппонировавшими сторонами, оказалась чрезвычайно острой. Николай Адольфович Буш²³ выступил критиком гипотезы Талиева о первенствующей роли человека в расселении растений, возражая ему:

«Тут автор каждый раз с особым удовольствием указывает на “бойкую” дорогу, проходящую вблизи от местонахождения растения [южного происхождения. — А.С.], или на пасущийся вблизи скот. Вообще во всей работе ясно сквозит желание автора развенчать все эндемичные виды Европейской России для торжества своей *синантропной гипотезы*. Я называю ее синантропной потому, что она стремится каждое расселение растений свести

²² Литвинов считал важным демаркационным рубежом следы ледниковых отложений: «По границе эрратических валунов на этом пределе почти внезапно останавливаются многие виды, обыкновенные в частях степей, лежащих южнее, и по ту сторону этой линии появляются и все наиболее замечательные эндемические формы Европейской России» (1891, с. 66).

²³ Н.А. Буш (1869–1941) — ботанико-географ, систематик, в то время — приват-доцент Юрьевского университета. Впоследствии вместе с женой Елизаветой Александровной Буш (1886–1960) стали сотрудниками Литвинова по БМАН, где подготовили ряд таксономических обработок для «Флоры Сибири и Дальнего Востока» (1913–1931; вып. 1–5).

на зависимость от человека и все редкие и интересные растения каждой данной флоры объяснить влиянием одного лишь человека. Мне кажется, что подобный взгляд, по меньшей мере, крайне односторонен» (Буш, 1900, с. 42).

Сам Талиев категорически не согласился с интерпретацией его подхода Бушем:

«Меловая растительность южной России, нуждаясь для своего существования в исключительных условиях, создаваемых при необходимом участии человека, очевидно, и могла появиться здесь только после того, как преобразующая деятельность его достигла известной степени интенсивности. Она представляет собой, следовательно, молодой элемент флоры» (Талиев, 1900, с. 149).

Впоследствии и сам Литвинов высказал несогласие с оппонентом: «Талиев развил совершенно эксцентрический взгляд на редкие растения нашей флоры, идущий в разрезе с общепринятым мнением» (Литвинов, 1902, с. 82). Отповедь Литвинова основывалась на приверженности авторитету Энглера и его школы. Господствовала точка зрения, что дифференциация альпийской флоры Европы²⁴ происходила уже в конце третичного периода. Наступившая ледниковая эпоха произвела коренные смещения формаций. Альпийская флора спустилась в долины. Образовалась смешанная ледниковая флора. Выход труда Альфреда Неринга²⁵ (1890) внёс существенные коррективы в представления о палеоклимате. Он выявил существование ксеротермического периода, во время которого тундровые формации средней Европы сменились степями. К этому времени, по автору, относится проникновение в Среднюю Европу евроазиатских ксерофитных растений, а также ряда высокогорных ксерофитов. Исследования Неринга дали основание полагать, что степные пространства Средней Европы, образовавшиеся в послеледниковую эпоху, чередовались с лесными комплексами, озерами и торфяными болотами. Отметим также, что и Энглеру приходилось энергично защищать свою теорию от сторонников гипотезы синантропизации флоры. Таковым был, например, лингвист и культуролог Виктор Ген²⁶, который утверждал, что фи́га, лавр, виноград и многие другие растения и животные чужды аборигенной флоре и являются пришельцами из Азии или перенесены в область Средиземноморья человеком. То, что эта точка зрения была популярна, свидетельствуют многочисленные переиздания книги Гена, причём последние её издания выходили уже с комментариями Энглера, доказывавшего распространение в Европе упомянутых видов ещё в третичный период.

Полемика Литвинова и Талиева чрезвычайно обогатила опыт отечественной биогеографии методически. Обе концепции приобрели сторонников и противников. Отголоски полемики не утихли до настоящего времени²⁷.

²⁴ Альпийская флора низкотравных, кустарничковых, стланичковых сообществ, сформировавшаяся в условиях холодного, высокогорного климата альпийского пояса на высоте 2000–3500 м над уровнем моря в условиях интенсивной солнечной радиации, обильных снегопадов.

²⁵ Неринг Альфред (Nehring Alfred; 1845–1904) — зоолог и палеонтолог. Его работа “Über Tundren und Steppen der Jetzt- und Vorzeit, mit besonderer Berücksichtigung ihrer Fauna” (Berlin, 1890) оказала существенное влияние на понимание природы голоцена.

²⁶ Ген Виктор (Hehn Victor, 1813–1890) — один из основоположников курганной гипотезы о происхождении носителей индоевропейских языков от степных кочевников.

²⁷ Ср.: Тюрюканов, Костенчук, 1980; Еленевский, Радыгина, 2002.

По состоянию здоровья (из-за малярии) в 1896 г. Литвинов перевелся из Калуги на юг, заняв должность заведующего Учебными мастерскими Асхабадского железнодорожного училища (рис. 3).

В Закаспийской области (современный Туркменистан), где Литвинов работал три года (1896–1898), он исследовал богатейшую местную флору, совершая экскурсии в ближайшие окрестности Асхабада и в предгорья Копетдага. В 1897 г. с ранней весны до поздней осени Литвинов экскурсировал. Он посетил ущелья Каранки, Саандак, гору Луджа, песчаную пустыню Каракум в районе станции Репетек, Уч-Аджи, Чарджоу. В 1898 г. работал в окрестностях Фирюзы и Чули, через Багир и Ак-Тепе посетил Обручево, Курт-су, Гаудан, работал в горах Куляр, в ущелье Каранки, в горах Луджа и Базикиямов, через Аннау проехал в Кельтычар. Посетил станции Бахарден, перевал Арваз, Дайна, верховье р. Сумбар, станции Арчман, Геок-тепе, Фараб, путешествовал по Амударье (Говорухина, 1981). Он изучал разнообразие характерных родов пустыни: джугзуна (*Calligonum* L.), солянок (*Salsola* L.), представителей семейств маревых (*Chenopodiaceae*), тамарисковых (*Tamaricaceae*) и др. Изучив биологию растений песчаных пустынь, Литвинов смог дать важные рекомендации. Он консультировал садовника Закаспийской железной дороги Н.В. Андросова²⁸ по ассортименту видов джугзуна и саксаула, пригодных для закрепления подвижных песков вдоль железнодорожных путей.

Познания и опыт Литвинова, приблизившегося к 45-летию, к тому времени были уже столь велики, что позволяли занять место в профессиональной ботанике. В этом намерении его поддержал молодой академик С.И. Коржинский, увидевший в нём единомышленника и прилагавший усилия, чтобы сделать его своим сотрудником в БМАН. В письмах Литвинов информирует петербургского корреспондента о своих ботанических экспедициях. Он живёт лишь надеждой на освобождение от рутины преподавания (см. прил. 1).

Приглашение занять должность учёного хранителя БМАН в Санкт-Петербурге Литвинов получил от С.И. Коржинского в том же 1898 г., он принял его, заменив на этом посту вышедшего в отставку К. Мейнсгаузена²⁹.

Приближение XX в. открывало перспективы для создания новой флоры России — проекта, который инициировал С.И. Коржинский. Принципы и структура издания вызывали острый интерес у ботаников. Обсуждался и выбор языка, на котором будет написана новая «Flora Rossica». Профессор Юрьевского университета Николай Иванович

Рис. 3. Дмитрий Иванович Литвинов в г. Асхабаде (СПФ АРАН. Разр. X. Оп. 1-л. Д. 267)

²⁸ Андросов Николай Викентьевич (1870–1941) — видный ботаник, специалист по флоре Средней Азии; в 1897–1905 гг. — садовник питомника растений-пескоукрепителей на ст. Фараба.

²⁹ Мейнсгаузен Карл Фридрих (1819–1899) — флорист и систематик, консерватор БМАН с 1851 г.

Рис. 4. Насадения пескоукрепительных полос близ станции Репетек. Фото Поля Надара, 1890-е гг. (с разрешения сайта www.culture.gouv.fr/culture/inventai/patrimoine/)

Кузнецов³⁰ разослал анкету, включавшую 11 вопросов. На предпоследний — «Какой язык должен быть принят для “Flora Rossica”» — отвечали по-разному. В.А. Траншель (хранитель гербария споровых растений БМАН) полагал, что им должен быть русский, того же мнения был А.Х. Буш (Казань) и В.И. Талиев (Харьков), Ф.В. Бухгольц (Рига) выбрал латынь. Наиболее радикален был лесовод и исследователь флоры Кавказа В.В. Маркович (Алагир):

«Русская флора должна быть написана на русском языке. Это не есть “квасной” патриотизм, а желание, чтобы каждый русский человек мог познакомиться со своей родной флорой. Этим мы только достигнем приобретения большого числа лиц, посвятивших себя ботанике. Давно пора сойти науке с Олимпа и стать достоянием всех желающих ее изучать. Чем она доступнее для простого смертного, тем больше адептов она приобретет» (Кузнецов, 1900, с. 74).

Таким образом, престиж издания едва ли не обретал значимость национального проекта. Высочайшее благоволение этому замыслу оказал Николай II, который «ассигновал в мае 1900 г. из собственных средств 21 400 руб. академику С.И. Коржинскому с тем, чтобы при содействии приглашенных им лиц приступлено было к изданию “Флоры Сибири” как первого отдела “Флоры Российской империи”» (Манойленко, 2005, с. 109). Таким образом, обстоятельства складывались наилучшим образом.

³⁰ Кузнецов Николай Иванович (1864–1932) — ботанико-географ, флорист, систематик, в те годы (1895–1914) профессор Юрьевского университета (ныне Тарту, Эстония).

Однако уже летом 1900 г. начались несчастья. Во время командировки в Ферганскую область с микологом Владимиром Ивановичем Траншелем, на дороге из г. Ош к укреплению Гульча, Литвинов сломал ногу и вынужден был отказаться от дальнейшего путешествия. Эта травма сказалась на заболевании, постигшем его в конце жизни. Осенью, 18 ноября 1900 г. в полном расцвете сил скончался Сергей Иванович Коржинский. Неожиданный уход талантливейшего учёного, казалось, делал проект «Флоры Сибири» невыполнимым. Положение спас И.П. Бородин, избранный на освободившуюся вакансию академика-ботаника и ставший директором БМАН. 12 сентября 1901 г. на заседании ФМО И.П. Бородин письмом от 31 августа на имя неперменного секретаря Академии наук Н.Ф. Дубровина сообщил, что принимает на себя завершение начатого покойным С.И. Коржинским труда по флоре России (Летопись... 2007, с. 40). Литвинов составил комментированное описание литературных источников «Библиография флоры Сибири» (1909) — свод флористической, таксономической и ботанико-географической литературы, появившейся в печати до 1908 г. Этот труд, чрезвычайно содержательный и точный, до сих пор остается настольной книгой ботаников.

Литвинов воплощал в жизнь и другой замысел Коржинского. Он готовил издание «Список растений Гербария Русской Флоры» (“Schedae ad Herbarium Florae Rossicae”, далее — СРГРФ). Для публикации первого выпуска БМАН объединился с Ботаническим отделением Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Этот выпуск содержал 200 номеров (т. е. 200 видов, каждый издаваемый вид включался в установленную нумерацию) вышел в 1898 г. в издании Общества, со второго выпуска — уже только под эгидой БМАН. Первые выпуски СРГРФ содержали лаконичные заметки о видах, лишь немногим превышавшие по информативности этикетку, но начиная с третьего (1901) комментарии становились всё более содержательными. Автором многих из этих заметок наряду с Литвиновым стал привлечённый им к сотрудничеству Владимир Ипполитович Липский, тогда старший консерватор Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада, а с 1902 г. — его главный ботаник. В этом издании появляются диагнозы новых для науки видов, например шведка Липского (*Suaeda lipskii* Litv.), описанная по экземплярам, собранным Литвиновым и Траншелем в 1900 г. в Репетеке, и многие другие. Основными коллекторами растений были упомянутый выше Н.В. Андросов (Средняя Азия), В.Д. Андреев (Псковская губ.), И. Шираевский (степные губернии), Н.А. Десулави и В.В. Маркович (Северный Кавказ), Е.Н. Клеменц (Крым), Н. Пуринг (окрестности Петербурга), К.Р. Купфер (Лифляндия, окрестности Риги), а также москвичи А.А. Хорошков, Д.П. Сырейщиков, А.Н. Петунников и многие другие коллекторы. Позже присоединились В.П. Дробов (Средняя Азия), В.Н. Сукачев, Г.И. Поплавская, И. Швецов. Важны были комментарии специалистов по особенно трудным таксономическим группам: К.Г. Цана (К.Н. Zahn), определявшего подвиды, разновидности и формы ястребинок (*Hieracium* L.), Н.В. Цингера, выявлявшего сезонные расы у погремков (*Rhinanthus* L.), сорняков в посевах культурных растений, а также марьянника (*Melampyrum* L.) и зубчатки (*Odontites* Ludw.), комментарии М.И. Назарова по ивам (*Salix* L.). Впоследствии Литвинов группировал виды одного рода в крупные блоки, объединяя их по монографическому принципу. Его таксономические комментарии, основанные на тщательнейшем анализе протолога (первоописания вида), поиски аутентичных экземпляров становились всё более скрупулезными. Замечания Литвинова по систематике родов — молочай (*Euphorbia* L.), вейник (*Calamagrostis* Adans.),

полевица (*Agrostis* L.), вика (*Vicia* L.) актуальны для современных ботаников. Подписанных Литвиновым статей с комментариями насчитывается около 450 (Липшиц, 1952).

Литвинов совершает экспедиции в отдалённые районы России и сопредельных стран. С открытием в 1902 г. движения по Китайско-Восточной железной дороге до Порт-Артура появилась возможность изучить флору Маньчжурии и Ляодунского полуострова. Летом 1902 г. в Китай был командирован Литвинов. Управление железной дороги предоставило ему особый вагон, тем самым отблагодарив бывшего сотрудника за многолетнюю службу. Во время этой экспедиции он собрал около 1200 видов растений (Бородин, 1917, с. 155). В 1903 г. таким же образом Литвинов осмотрел восточную часть дороги от Харбина до Владивостока. Он совершил экспедиции в Северо-Восточный Китай и Забайкалье (1901–1902), Кавказ (1908), Среднюю Азию (Ферганская область, 1913), Закавказье и Турцию (Карская область, 1914), Хибины (1920, 1921).

Литвинов занимался систематизацией архивных материалов, хранившихся в фондах БМАН, но эти работы выполнялись не для публикации. Об их научной ценности свидетельствует манускрипт «Мои заметки о рукописях Бунге»³¹, в которой миссия Литвинова — хранителя не только гербарных коллекций, но и всего наследия отечественной ботаники, сказывается весьма отчетливо. Опись рукописей Бунге датирована 1919 г. — тяжелейшим для жителей Петрограда, когда судьба всего культурного наследия столицы рухнувшей империи находилась под угрозой уничтожения. Ботаника несла непоправимые потери, так, 8 декабря 1918 г. в Петрограде скончался ординарный академик А.С. Фаминцын. В городе проходили массовые аресты профессоров и учёных: в первых числах сентября 1919 г. был арестован сотрудник БМАН Н.А. Буш, но, к счастью, освобождён во второй половине сентября (Летопись... 2007, с. 368).

В это тревожное время Литвинов погрузился в разбор манускриптов покойного дерптского профессора Александра Андреевича Бунге (Alexander von Bunge, 1803–1890) — одного из крупнейших систематиков мира, автора капитальных таксономических монографий. Бунге, член-корреспондент Академии наук, был связан деловыми отношениями и с Петербургским ботаническим садом, но доверил свои рукописи архиву БМАН, будучи в немалой степени обязанным его директору, академику Ф. И. Рупрехту содействием в опубликовании трудов в изданиях Академии (Сытин, 2004). Литвинов систематизировал документы Бунге, начиная с его студенческих работ, когда ему, как и его товарищу Карлу Мейеру (1795–1855), профессор Карл Ледебур (1785–1851) доверил самостоятельные полевые исследования флоры Алтая:

«Список растений, собранных алтайской экспедицией Ледебур, Мейер, Бунге в 1826 г. Написан красивым мелким и четким почерком Бунге, без малейших поправок, на плотной синей писчей бумаге. Представляет собой любопытную предварительную сводку. Занумерованы все 1420 видов NN обозначают виды, а не NN [образцов], как можно бы было думать с первого взгляда. Описаний никаких нет, но намечены новые виды. Немало NN определены лишь по роду. Видовые, а иногда родовые названия определенных растений не всегда совпадают с опубликованными во *Flora altaica*. Написан список очевидно вскоре по возвращении экспедиции (1830). Для будущих комментаторов определений растений <...> этот рукописный список несомненно будет весьма полезен»³².

³¹ СПФ АРАН. Ф. 67. Оп. 2. Д. 57.

³² СПФ АРАН. Ф. 67. Оп. 2. Д. 57. Л. 47.

Любопытна и характеристика исследования Бунге по сравнительной флористике, обобщавшего флористические изыскания остзейских ботаников в сравнении с данными по флоре Центральной России:

«Сравнительная статистика флоры разных частей Прибалтийского края с флорой Тульской губернии и др. На двух листках почтовой бумаги начисто переписанная таблица, сопоставляющая числа видов всех семейств, с одной стороны, в списках Флейшера³³, Шмидта³⁴, Глена³⁵, Жасса (?), Руссова³⁶, Грунера³⁷ и др. и с другой — со списком Тульской флоры Кожевникова и Цингера (1880). Присоединяем сюда черновой листок с подобным же сравнением состава Прибалтийской флоры с флорой Швеции и Германии»³⁸.

Исключительно интересны сведения о материалах, положенных в основу монографий Бунге, опубликованных в «Записках Императорской Академии наук», в частности для "Generis astragali species gerontogae" («Виды рода Астрагал Старого Света») (Bunge, 1868–1869). В ней впервые создана естественная система рода *Astragalus* L., выделены 6 подродов и описано много новых секций. Морфолого-географический метод в ботанической систематике, который разрабатывал Бунге, основан на сравнительном анализе формы венчика, чашечки и плода астрагалов — таблицы препаратов хранятся в гербарии БИН (Сытин, 2002). О том, что автор монографии составил карты ареалов для многих видов, мы узнаём из комментария Литвинова. Этот замысел несущественной работы, посвящённой расселению видов рода *Astragalus* по разным ботанико-географическим районам Земли, продолжает исследования Бунге по фитогеографии представителей семейства маревых (Bunge, 1880):

«Ad Phytogeographiam Astragalorum spectantia». 20 таблиц на грифленой бумаге большого формата, где все виды астрагалов расписаны по 29 флорам. Среди них описаны 13 бланковых карт Старого Света с нанесёнными местонахождениями разных групп астрагалов. По-видимому, проектировалась статья на эту тему, подобная его "Pflanzengeographische Betrachtungen ber die Familie der Chenopodiaceen" <...>³⁹ "Astragalorum distributio geographica" — 13 бланковых карт Старого Света с нанесёнными местонахождениями разных групп астрагалов; они не были приложены к изданной Академией его монографии рода. <...>⁴⁰ Перечислены коллекторы астрагалов 128 имен с приблизительным подсчетом количества образцов астрагалов, ими собранных, и количеств видов. Свои собственные коллекции (1826–66 гг.). в 212 экземпляров и 72 вида»⁴¹.

³³ Флейшер Иоганн Готтлиб (Fleischer Johann Gottlieb 1797–1838) — врач и ботаник, автор монографии по флоре Эстляндии, Лифляндии и Курляндии (Fleischer, 1839).

³⁴ Шмидт Федор Богданович (Schmidt Friedrich Karl, 1832–1908) — геолог и ботаник, исследователь (совм. с Гленом) флоры Сахалина и Приамурья.

³⁵ Глен Петр Петрович (Glehn Peter von, 1835–1876) — старший консерватор Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада, автор флоры окрестностей Дерпта (ныне Тарту, Эстония) (Glehn, 1860).

³⁶ Руссов Эдмунд (Russow Edmund August Friedrich, 1841–1897) — профессор ботаники и директор ботанического сада Дерптского университета, автор флоры окрестностей Таллина (Russow, 1862).

³⁷ Грунер Леопольд (Gruner Leopold, 1839 — около 1917) — прибалтийский коллектор и ботаник.

³⁸ СПФ АРАН. Ф. 67. Оп. 2. Д. 57. Л. 76.

³⁹ Там же. Л. 26.

⁴⁰ Там же. Л. 34.

⁴¹ Там же. Л. 36.

Выход в свет монографий Бунге позволил идентифицировать образцы в гербарных фондах крупных коллекций, так, мюнхенский ботаник Ю.Г. Шультес, переопределив астрагалы, а затем и остролодочки (*Oxytropis* DC.), также обработанные Бунге, прислал ему свои результаты:

«*Astragali species gerontogae herbario reg. monacensis* 1873. 30 стр. почтовой бумаги большого формата. То же — *Oxytropis* — 8 стр. Обе рукописи написаны собственноручно J.H. Schultes'ом⁴². Представляют перечень всех образцов астрагалов Мюнхенского гербария»⁴³.

Реконструкция маршрута Александра Лемана (1814–1842) — одного из ранних исследователей Средней Азии по дневникам завещанных путешественником Бунге, стала основой знаменитой работы «Ботаническое наследие Александра Лемана» «*Alexandri Lehmann reliquiae botanicae...*» (Bunge, 1847), в которой он впервые описал многие виды растений:

«Две рукописи, черновая и перебеленная, восстанавливающие ботанический дневник путешествия Лемана в 1834 и 1840 гг. (преимущественно на южном Урале). Наконец, перечень городов, посещенных Бунге: „Stadte in denen ich gewesen bin“! 350 городов (Россия, Китай, Персия, Западная Европа)»⁴⁴.

Для историков эволюционной идеи интерес представляет и указание Литвинова на манускрипт Бунге: «О теории Дарвина. Никак не озаглавленная рукопись на 4 листах почтовой бумаги малого формата, мелко исписанных»⁴⁵. Обращение к этому сочинению, возможно, разъяснит отношение систематика Бунге к дарвинизму.

Последняя экспедиция Литвинова состоялась в Поволжье, в 1927 г., как всегда, она была результативна как в отношении сбора коллекций растений, так и в поисках подтверждений концепции реликтовых сообществ, о чем свидетельствуют документы, причём район посещения был намечен давно, — таким образом, Литвинов реализовал замысел:

«Местности же наиболее замечательные в ботаническом отношении: область Сызранских отвалов, Жигули, меловые горы у г. Хвалынска и Саратова, близ колонии Норки⁴⁶ и по р. Медведице, Бурлуку, Иловле и бл[из] Камышина (с. Белые глинки и Белые горки) — находятся все в области, где валуны вовсе отсутствуют» (Литвинов, 1891, с. 68).

В экспедиционной смете (см. прил. 2), интересны некоторые подробности, имеющие отношение к полевому обиходу, в частности упоминания о сукне — гигроскопичную ткань Литвинов предпочитал бумаге, обычно используемой для засушивания растений (Литвинов, 1912). Перечень материалов для фотографирования свидетельствует, что Литвинов владел и этим методом фиксации полевых наблюдений.

В этом же 1927 г. Литвинов опубликовал небольшую работу «О некоторых ботанико-географических соотношениях в нашей флоре» (1927). В своей последней

⁴² Schultes Julius Hermann (1820–1887) — баварский ботаник и врач, сотрудник Королевского гербария в Мюнхене в 1854–1887 гг.

⁴³ СПФ АРАН. Ф. 67. Оп. 2. Д. 57. Л. 22.

⁴⁴ Там же. Л. 31.

⁴⁵ Там же. Л. 33.

⁴⁶ Колония Норка — ныне с. Некрасово Красноармейского района Саратовской области.

работе, анализируя понятие «сниженных альп»⁴⁷, Литвинов высказывает суждение об общности климата степей и высокогорий, ссылаясь на данные флористов и ботанико-географов И.Я. Акинфиева и Н.А. Буша, описывавших травянистые сообщества, господствующие на пониженных хребтах Северного Кавказа и Крымской Яйлы, что, по его мнению, доказывает извечное безлесие степи. Он снова возвращается к горным борам, дополняя гипотезу об их реликтовой природе новыми доказательствами. Мысль об исторической общности флоры от Пиренеев до Средней Азии лежит и в основе попытки осмыслить феномен повторяющихся сочетаний видов, в которых он видел осколки флористических комплексов, фрагменты древней растительности. Так, например, Литвинов обращает внимание на своеобразную ассоциацию барбариса в сообществах, образуемых можжевельником. Сравнивая арчевники Копетдага, представленные древовидными формам «арчи» — можжевельника туркменского (*Juniperus turcomanica* В. Fedtsch.), где вместе с ним, «куда ни обернись, можно видеть кусты барбариса (*Berberis integerrima* Bunge)» и песчаные степи Нижнего Дона, где в сообществах стелющегося казацкого можжевельника (*Juniperus sabina* L.), «я встречал в нескольких местах кусты обыкновенного барбариса (*B. vulgaris* L.), обычного у нас только в садах» (Литвинов, 1927, с. 13–14). Примечательным ему кажется аналогичное сочетание казацкого можжевельника с барбарисом, отмеченное в Пиренеях, о котором упоминает Г.М. Вилькомм (Willkomm, Lange, 1861). Этот интересный параллелизм в структуре сообществ он объясняет дивергенцией в развитии растительного покрова:

«существует какой-то загадочный симбиоз можжевельника с барбарисом. Очевидно, имеем дело с очень прочным сообществом, образовавшимся в очень отдаленное от нас время и тогда широко распространенным. В состав его входят и некоторые растения, более известные у нас как заносные откуда-то сорняки» (Литвинов, 1927, с. 13–14).

Характерна и попытка уточнить систематическое положение и природу некоторых видов на краю ареала. В частности, Литвинов обращает внимание на изобильное произрастание в Жигулях, тогда как в Заволжье она почти исчезает, очень изменчивой, богатой разнообразными формами яблони ранней: «*Pirus praecox* Pall. fl.ross 1: 22. — Ulterior observation docebit — писал о ней Ледебур в 1844 г., но и до сих пор никто не заинтересовался разъяснением этой загадочной формы яблони» (Литвинов, 1927, с. 12), при этом он надеется, что когда-нибудь будет организована специальная экспедиция для изучения разнообразия форм этой яблони. Повторяя эпитет «загадочный», Литвинов обращается к будущим исследователям в надежде на разрешение

⁴⁷ Термин «сниженные альпы», введенный Литвиновым в применении к своеобразным реликтовым группировкам Среднерусской возвышенности, популяризировал Б.М. Козо-Полянский. Этот термин получил иную интерпретацию в исследованиях его ученика Сергея Владимировича Голицына (1897–1968), в работах которого идеи Литвинова обрели новую жизнь. См.: Виноградов, Голицын, 1960. «Сниженными альпами» авторы называют флористически богатые разнотравно-осоковые кальцефитно-степные группировки, в число эдификаторов которых кроме осоки низкой (*Carex humilis*) и мха *Thuidium abietinum* входят как обязательные участники следующие виды: бурачок ленский (*Alyssum lenense*), проломник волосистый (*Androsace villosa*), осока стоповидная (*Carex pediformis*), железница солнцелюбивая (*Clausia aprica*), копеечник крупноцветный (*Hedysarum grandiflorum*), овсец пустынный (*Helictotrichon desertorum*), мелюбка гиперборейская (*Schivereckia hyperborea*).

вопросов, поставленных предшественниками — Палласом и Ледебуром. Итог же собственных исследований приводит его к следующему заключению:

«Флору каменистых обнажений по берегам рек степной полосы, как давно было мною сказано, надо считать восточным вариантом флоры открытых каменистых склонов Средиземноморской области» (Литвинов, 1927, с. 12).

Этот вывод, ещё раз подтверждающий влияние школы Энглера на русских ботанико-географов, корреспондирует с первыми работами Михаила Григорьевича Попова (Попов, 1927, 1929), а именно — с блистательно разрабатываемой им теорией о флорогенетических элементах Древнесредиземноморской области. Таким образом, теснейшее родство германской и русской науки о растениях, в данном случае — восприимчивость к идеям А. Энглера, прослеживается в поколениях русских ботаников, а по замечанию Р.В. Камелина о М.Г. Попове — «лучшего ученика у Энглера не было» (1994, с. 108).

В последние годы жизни Д.И. Литвинов болел, но продолжал работать в прежней должности. Внезапно возобновилась переписка с Владимиром Ипполитовичем Липским, прежним сотрудником по «Гербарию Русской флоры», или, как называл это издание Литвинов в письмах, “Herbarium Rossicum” (см. прил. 3). Отметим, что эпитет “rossicum”, столь дорогой для Литвинова, действительно исчез — с изменением названия государства изменилось и название издания в 1932–1990 гг. (т. 9–27) — «Список гербария флоры СССР» (см. Батурина, 2014).

Липский, покинув Петроград, вернулся на Украину, и вёл частную жизнь в Житомире, но в 1919 г. началась его энергичная деятельность по организации науки в Киеве. В 1922 г. он был избран президентом Всеукраинской академии наук и оставался им до 1928 г. С 1928 г. он стал директором Одесского ботанического сада, где энергично организовывал научную работу, в том числе привел в образцовый порядок гербарий, который насчитывал 5500 смонтированных образцов растений, расширил территорию Ботанического сада и восстанавливал коллекции растений открытого грунта и оранжереи, организовал ряд экспедиций и сам принимал участие в гидрологических исследованиях водорослей Черного моря. В 1933 г. Липский ушёл в отставку, накануне демонстративно покинув совещание, на котором выступал с докладом Т.Д. Лысенко (Доброчаева, Мокрицкий, 1991). 24 февраля 1937 г. В.И. Липский умер, возможно, покончив жизнь самоубийством.

Эпистолярный этикет того времени не допускал откровенности, а потому обсуждаемые Литвиновым темы направлены преимущественно на растения. Они интересны тем, что приоткрывают обычные методы работы систематика-таксономиста: скрупулезное исследование тонких морфологических признаков, изучение изменчивости в пределах ареала вида, поиски аутентичных материалов на основе литературных источников, установление происхождения типового образца, послужившего моделью для описания таксона. Характерно и упоминание о *Herbarium manuale*, т. е. «подручном травнике» — частной коллекции образцов растений, возникающей у каждого коллектора. Лишь в конце письма, оказавшегося последним, Литвинов осторожно высказывает тревогу о судьбе БМАМ, обречённого на слияние с Ботаническим садом⁴⁸.

⁴⁸ СПФ АРАН. Ф. 303. Оп. 1. Д. 264.

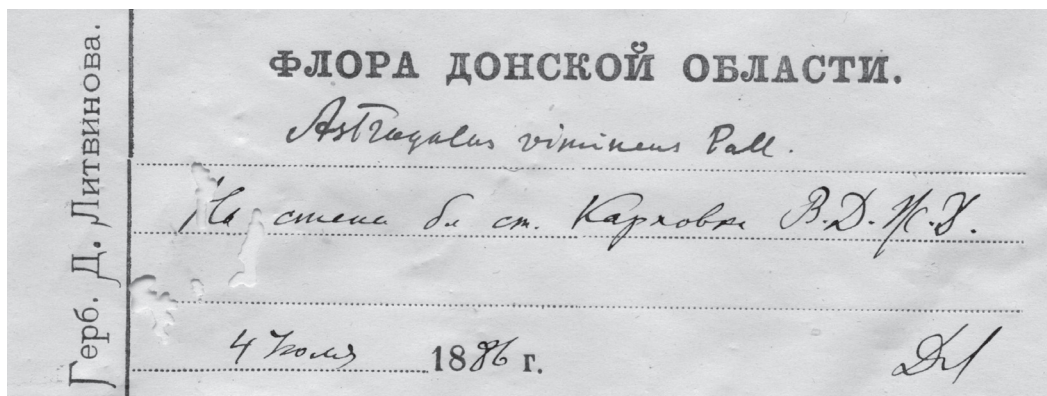

Рис. 5. Образец почерка Д.И. Литвинова. Гербарий БИН РАН (LE)

Дмитрий Иванович Литвинов умер 5 июля 1929 г., а 5 марта 1930 г. скончался последний директор БМАН Иван Парфеньевич Бородин. С их уходом закончилась 100-летняя эпоха Ботанического музея АН, а сам музей прекратил существование в 1930 г. В результате соединения БМАН с Ботаническим садом образовался Ботанический институт Академии наук (см. подробнее: Гельтман, 2014).

Один из учеников Литвинова, сотрудник БМАН Б.Н. Городков, справедливо заметил:

«Каждый, кто займется историей развития степной, альпийской или арктической флоры, должен будет считаться с работами Д.И. Литвинова, так как в них заложены корни многих более или менее общеизвестных обобщений» (Городков, 1929, стлб. 926).

Сборы многочисленных экспедиций Д.И. Литвинова хранятся в БИН РАН (рис. 5). В честь Литвинова назван род *Litwinowia* Wogonow (семейство крестоцветных) и многие виды растений.

Приложение 1

Письма Д.И. Литвинова к С.И. Коржинскому

Асхабад 12 июня 1898
Многоуважаемый Сергей Иванович!

Высылаю Вам сегодня 3-й ящик с растениями для издаваемого гербария. Заготовлен материал еще на один ящик. Собрал между прочим для этого издания 6 видов разных *Calligonum*⁴⁹, но, к сожалению, только один вид, асхабадский, собрал с цветами и плодами (с одного и того же куста), а остальные из Репетека⁵⁰ — все только в плодах. Во втором ящике были приложены для Вас разные семена. <...>

⁴⁹ *Calligonum* L. — джугун, род из семейства гречишных, свойственный песчаным пустыням Средней Азии.

⁵⁰ Репетек — железнодорожная станция в Юго-Восточных Каракумах, ныне в её окрестностях расположен Репетекский государственный биосферный заповедник (Туркменистан).

Семена разных *Calligonum* еще надеюсь Вам прислать⁵¹. В Гайданы⁵² были в самом конце апреля и, кажется, собрали интересующие Вас виды *Vicia*⁵³ и *Eryngium*⁵⁴ и они были еще в полном цвету. Затем были во второй половине мая, но, увы, к сожалению, как ни присматривался, не мог найти ни одного экземпляра этих видов с плодами. Известие о моем переводе что-то сильно запаздывает. Неужели не случайно перевод мой застопорился в Министерстве [народного просвещения]? Благодарю Вас за присылку великолепной бумаги и 5 прессов. Я уже их заслал вьюком на дальние вершины гор. Если возможно, буду просить вас прислать мне еще 2 штуки ботанизирок⁵⁵ вершков в 12–16 длины, желательны с 2-мя крышками.

Преданный Вам Д. Литвинов⁵⁶.

К № 41. Асхабад, 18 Сентября 1898 г.

Многоуважаемый Сергей Иванович!

Посылаю в Академию ящик № 7 с растениями.

Если имеются определенные сведения о том, когда может состояться мое назначение, то будьте добры, телеграфируйте мне.

Очень тяжело так долго быть в неопределенном положении.

Преданный Вам Д. Литвинов⁵⁷

Приложение 2

Последняя экспедиция Д.И. Литвинова

Проект ботанической поездки в Поволжье в 1926 г.

В прошлом 1925 году я намеревался совершить большую ботаническую поездку для сборов материала по флоре обнажений мела в Поволжье, по Дону и притокам Донца. Это весьма замечательная оригинальная флора всё еще у нас детально не исследована и очень скудно представлена в коллекциях Музея. Поездка не состоялась по отсутствию средств. В настоящее время прошу ассигновать мне средства на сравнительно небольшую поездку с помощником на меловые обнажения в Поволжье. Предполагаю в течение июня и начале июля месяца осмотреть подробно мел между Сengiлеем и Сызранью на Волге и затем обширные обнажения мела к югу от Камышина.

Смета расходов

1. Ботаническое снаряжение (в дополнение к тому, что можно получить от Музея)

3000 листов бумаги 25 руб.

15 метров сукна..... 50 руб.

Картонные папки, упаковка и проч. 5 руб.

⁵¹ Полевые наблюдения над изменчивостью видов рода джугун (*Calligonum*) впоследствии позволили Литвинову осуществить серии публикаций обработок видов для СРГРФ, в том числе и рода *Calligonum* (перечисленные под № 2405–2418), а также ряда других трудных таксономических групп, например видов, относящихся к семейству маревых (*Chenopodiaceae*), рода вейник (*Calamagrostis*) и др., что побуждает рассматривать их не как фрагментарные комментарии, но эскизы таксономических монографий.

⁵² Гайданы — населённый пункт близ г. Ашхабад (Туркменистан).

⁵³ *Vicia* L. — вика, род из семейства бобовых.

⁵⁴ *Eryngium* L. — синеголовник, род из семейства зонтичных.

⁵⁵ Ботанизирка — металлический футляр цилиндрической формы для сохранения растений в свежем состоянии до их помещения в пресс для засушивания.

⁵⁶ СПФ АРАН. Ф. 67. Оп. 2. Д. 57. Л. 1–2.

⁵⁷ Там же. Л. 3.

2. Фотографические материалы

5 дюжин пластинок размером 9 x 12 см.....15 руб.

3. Разъезды

Проезд с помощником из Ленинграда в

Ульяновск и далее в Сенгилей.....80 руб.

Багаж.....40 руб.

Экскурсии между Сенгилеем и Сызранью180 руб.

Проезд из Сызрани в Камышин с багажом.....50 руб.

Экскурсии за Камышиным.....120 руб.

Обратный проезд в Ленинград с багажом100 руб.

Вознаграждение помощника.....75 руб.

Итого750 руб.

Старший Ботаник Ботанического музея АН Д. Литвинов

1924.02.24

[Ремарка]: Поддерживаю. М. Траншель [автограф].⁵⁸

Приложение 3

Письма Литвинова к В.И. Липскому

Одесса

Академику Владимиру Ипполитовичу Липскому,

Ботанический Сад.

Петроград, 31 марта 1929 г.

Глубокоуважаемый Владимир Ипполитович!

Я было решил, что по старости лет потерял всякий интерес для такого ботаника, как Липский, но вдруг получил книги с весьма знакомой каллиграфической надписью.

Растения Ваши получены лишь <неразб.> тому назад. Я их уже пересмотрел и на днях верну Вам казённой посылкой.

Дублетами, пригодными для Вашего «Herbarium manual», мы не богаты, главным образом, по отсутствию соответствующей организации, каковая имеется в Ботаническом саду, который может Вас завалить своими дублетами: требуйте Каталог. Конечно, определения в этих дублетах не ахти какие, но как же может быть иначе? <...> 22-я книжка наших «Трудов [Ботанического музея]» должна была выйти в прошлом году, но валяется до сих пор в издательстве Академии в рукописи <...> Как только разделаюсь с одной большой работой с изданием моих новых видов злаков, так примусь за редактирование следующих выпусков нашего Herb[arium] Rossicum, для которых накопилось уйма материала, частично только обработанного <...> Очень боюсь, что вычеркнут из заглавия «Rossicum», на что не могу согласиться <...>. В окр[естностях] Одессы, конечно, немало можно набрать критического материала,

⁵⁸ СПФ АРАН. Ф. 72. Оп. 1. Д. 61. Л. 10. Эта поездка не состоялась, но удалось совершить экспедицию в 1927 г., о её результатах докладывал сам Литвинов: «Д.И. Литвинов вернулся 28 июля из ботанической поездки на Волгу. Посещены Жигули и Сакские горы в Самарской и бывш[ей] Симбирской губ. Собран дополнительный материал для издаваемой при его участии Флоры юго-востока Европейской части Союза Республик, также для издаваемого Ботаническим музеем АН «Гербария Русской флоры». Сделаны наблюдения над флорой горных сосняков, представляющих особенность флоры тех мест. Весьма интересно было нахождение в них *Betula oycoviensis* Bess. — формы березы, до сих пор известной только в Ойцовской долине в Польше. 4 авг. 1927 г. Д. Литвинов» (СПФ АРАН. Ф. 72. Оп. 1. Д. 61. Л. 13).

полезного для этого издания и не худо было бы получить его от Вас. Разыскали бы, например, где-нибудь в приморских песках *Melilotus polonicus* L.⁵⁹ = *M. caspica* Grun. В то время, когда Линней назвал так это растение, Польша простиралась от моря и до моря, как это, того гляди, делается и опять, а окр[естности] Одессы суть loc[us] class[icus]⁶⁰ для этого вида, как и для *Triticum polonicum* L.⁶¹!

Из-за невозможности выяснить, что такое представляет собою *Atriplex tatarica* L.⁶², у меня не обработан был материал по этому роду для Herb[arium] Rossicum. Судя по названию, образец Линнея был из башкирских растений «Fl[ora] Tatarica “Heinzellmanna”», а там, по-видимому, растений только *Atriplex laciniata* L.⁶³ Но оба эти линнеевские вида, как говорят видевшие образцы в герб[арии] Линнея, очень сборные, почему их надо похерить. Вот и посылаю Вам проверенный материал, для Вашего «Herbarium manuale»! Но вариации этого облика видов из окр[естностей] Одессы, конечно было бы весьма интересно так или иначе выявить, да и собрать их показательно для издания в нашем Herb[arium] Rossicum...

Жена шлет Вам привет. Жму руку.

Д. Литвинов⁶⁴.

Петроград, 16 мая 1929 г.

Глубокоуважаемый Владимир Ипполитович!

Вообразите, 6 недель пролежал в постели с мучительным рожистым воспалением в ноге, когда-то сломанной в Туркестане⁶⁵. По этой причине осталась непосланной посылка с Вашими растениями. Вчера только, после недавней операции, в первый раз ковылял в Музей. Накопилось множество мелких дел. Завтра или послезавтра посылка будет отправлена.

Привет от жены — душевно преданный Вам Д. Литвинов⁶⁶.

Петроград, 23 июня 1929 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Ипполитович!

Присутствие *Exochorda*⁶⁷ как будто указывает и связь Вашего Сада с Туркестаном, и *Ulmus* в Одессе, судя по присланным его плодам, не туркестанские, а европейские. Сколько знаю, у туркестанских рыльца выходят из разреза вверх плода (рис. 1), у Вашего ж одесского (рис. 2) рыльце как европейского *U. minor* Mill., чего я не видел у туркестанских видов этого рода⁶⁸.

⁵⁹ *Melilotus polonicus* (L.) Pall. — донник польский (сем. Бобовые).

⁶⁰ Locus classicus — классическое местонахождение, т. е. географический пункт, указанный автором как место сбора образца растения, использованного им для описания вида.

⁶¹ *Triticum polonicum* L. — пшеница польская (сем. Злаки).

⁶² *Atriplex tatarica* L. — лебеда татарская (сем. Маревые), описана Линнеем по сборам Иоганна Готфрида Гейнцельмана, участника Оренбургской экспедиции И.К. Кирилова (1735–1737).

⁶³ *Atriplex laciniata* L. — лебеда дольчатая; в современных обработках синоним *A. tatarica*.

⁶⁴ СПФ АРАН. Ф. 303. Оп. 1. Д. 264. Л. 1–2.

⁶⁵ В фонде Д.И. Литвинова (СПФ АРАН. Ф. 70. Оп. 1) хранятся записки Ю.В. Литвиновой, жены учёного, о его тяжелой предсмертной болезни.

⁶⁶ Там же. Л. 3–4.

⁶⁷ *Exochorda* Lindl. — экзохорда, род семейства розоцветных.

⁶⁸ Д.И. Литвинов описал ряд туркестанских вязов (*Ulmus densa* Litv., *U. androssowi* Litv.) в СРГРФ. Его интересовали особенности и происхождение садовых форм вязов, называемых «нарван», при этом замечательно точны его наблюдения над характером вегетативных частей растений, а также способах их культуры в Средней Азии.

Но *U. minor* Mill. считается кустарником. Возможно, конечно, прививки и Ваши садовники, вероятно, Вам расскажут, как они это делали, а также как получали <...> образцы.

Я всё еще не могу оправиться от болезни. Мало езжу в Музей. Никуда не могу уехать, а надо бы погреться на южном солнце. Имеются ли также ботаники в Одессе, кроме Вас? Что там делается в Университете?

Жму руку. Д. Литвинов

[Приписка другими чернилами]:

Директор⁶⁹ как будто серьезно намерен уйти из нашего Музея будущей осенью. Тогда же будет решаться чудовищный проект соединения⁷⁰ нашего гербария и гербария Ботанического Сада!⁷¹

Благодарности

Я глубоко признателен Рудольфу Владимировичу Камелину за ценные дополнения и Лидии Васильевне Рязановой за портреты Литвинова.

Литература

Анненков Н.Н. Ботанический словарь. Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей. СПб.: Тип. Имп. АН, 1878. XXI, 645 с.

Гельтман Д.В. Непростое объединение Ботанического сада и Ботанического музея в Ботанический институт // Историко-биологические исследования. 2014. Т. 6. № 3. С. 35–60.

Батурина М.Г. Периодические и продолжающиеся издания Ботанического института РАН и предшествовавших ему учреждений // Историко-биологические исследования. 2014. Т. 6. № 3. С. 108–127.

Бекетов А.Н. Геоботаника // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 8: Гальберг—Германий. СПб., 1892. С. 368.

[*Бородин И.П.*] Ботанический музей // Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг. Пг., 1917. Ч. 1. С. 133–160.

Буш Н.А. Рецензия на Материалы для ботанико-географического описания Донецкой возвышенности // Труды Ботанического сада Юрьевского университета. 1900. Т. 1. Вып. 1. С. 42.

Виноградов Н.П., Голицын С.В. Донское Белогорье — новый район сниженных альп Среднерусской возвышенности // Ботанический журнал. 1960. Т. 45. № 4. С. 524–532.

Гороворухина В.А. Дмитрий Иванович Литвинов, ученый и путешественник // Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия биологическая. 1981. № 3. С. 40–43.

Городков Б.Н. Дмитрий Иванович Литвинов — путешественник и ботаник // Природа. 1929. № 11. Стлб. 919–926.

Гроссет Г.Э. О возрасте реликтовой флоры равнинной Европейской части СССР // Землеведение. 1935. Т. 37. Вып. 3. С. 185–234.

Доброчаева Д.Н., Мокрицкий Г.П. Владимир Ипполитович Липский. Киев: Наукова думка, 1991. 216 с.

Камелин Р. В. Судьба идей Михаила Григорьевича Попова // Ботанический журнал. 1994. Т. 79. № 8. С. 106–115.

⁶⁹ И.П. Бородин.

⁷⁰ См. об этом: Гельтман, 2014.

⁷¹ СПФ АРАН. Ф. 303. Оп. 1. Д. 264. Л. 6.

Кузнецов Н.И. По поводу издания “Flora Rossica” // Труды Ботанического сада Юрьевского университета. 1900. Т. 1. Вып. 1. С. 34–38; 71–75.

Кузнецов Н.И. Памяти Василия Яковлевича Цингера // Труды Ботанического сада Юрьевского университета. 1902. Т. 8. Вып. 3. С. 204–213.

Еленевский А.Г., Радыгина В.И. О понятии «реликт» и реликтомании в географии растений // Бюллетень МОИП. Отд. Биол. 2002. Т. 107. Вып. 3. С. 39–48.

Летопись Российской Академии наук. СПб.: Наука, 2007. Т. 4. С. 368.

Липский В.И. Дмитрий Иванович Литвинов // Императорский Санкт-Петербургский ботанический Сад за 200 лет его существования. 1913–1915. Ч. 3. С. 340–348.

Липшиц С.Ю. Григорьев Владимир Васильевич // Русские ботаники. Биографо-библиографический словарь. Т. 3: Горницкий–Ищереков. М.: Изд-во МОИП, 1950. С. 42.

Липшиц С.Ю. Литвинов Дмитрий Иванович // Русские ботаники. Биографо-библиографический словарь. Т. 5: Лаасимер–Мюлен. М.: Изд-во МОИП, 1952. С. 141–153 (корректурa неизданного тома. Мемориальный кабинет М.Э. Кирпичникова, БИН РАН).

Литвинов Д.И. Библиография флоры Сибири // Труды Ботанического Музея. 1909. Вып. 5. 458 с.

Литвинов Д.И. Гео-ботанические заметки о флоре Европейской России. М.: Университетская тип., 1891. 123 с.

Литвинов Д.И. О некоторых ботанико-географических соотношениях в нашей флоре. Л., 1927. 15 с.

Литвинов Д.И. О реликтовом характере флоры каменистых склонов Европейской России (Критический очерк). СПб., 1902. 34 с.

Литвинов Д.И. Об окской флоре в Московской губернии. М., 1895. 34 с.

Литвинов Д.И. Сушение растений в сукне // Труды Бюро по прикладной ботанике. 1912. Т. 5. № 1. С. 305–315.

Манойленко К.В. Александр Парфентьевич Бородин. М.: Наука, 2005. 276 с.

Попов М.Г. Основные черты истории развития флоры Средней Азии // Бюллетень Среднеазиатского государственного университета. 1927. Вып. 15. С. 239–292.

Попов М.Г. Род *Cicer* и его виды. К проблеме происхождения средиземноморской флоры // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. 1929. Т. 21. № 1. С. 3–240.

Сырейщиков Д.П. Иллюстрированная флора Московской губернии. М.: Изд-во книжного магазина Торгового Дома Лахтин, Сырейщиков и К^о. Ч. 1–4. 1906–1914.

Сытин А.К. Александр Андреевич Бунге. (К 200-летию со дня рождения) // Ботанический журнал. 2004. Т. 89. № 9. С. 1514–1527.

Сытин А.К. Коллекция препаратов цветков и плодов астрагалов А.А. Бунге в гербарии Ботанического института РАН // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. 18. СПб., 2002. С. 80–81.

Талиев В.И. Несколько слов по поводу рецензии г. Буша на мою работу «Материалы для ботанико-географического описания Донецкой возвышенности» // Труды Ботанического сада Юрьевского университета. 1900. Т. 1. Вып. 1. С. 148–149.

Тюрюканов А.Н., Костенчук Н.А. Происхождение «окской флоры» и биогеоценология // Бюллетень. МОИП. Отд. Биол. 1980, Т. 85. Вып. 3 С. 123–134

Федотова А.А. «Гео-ботанические исследования о черноземе» Ф.И. Рупрехта // Вопросы истории естествознания и техники. 2008. Вып. 1. С. 22–34.

Федотова А.А. Изучение степной растительности Европейской России (1850–1915): становление геоботаники. Дис. ... канд. биол. наук. СПб., 2012.

Цингер В.Я. Сборник сведений о флоре Средней России. М., 1885. 520 с.

Щербакова А.А. Дмитрий Иванович Литвинов // Н.А. Базилевская, К.И. Мейер, С.С. Станков, А.А. Щербакова. Выдающиеся отечественные ботаники. М.: Учпедгиз, 1957. С. 175–179.

Engler A. Versuch einer Entwicklungsgeschichte der Pflanzenwelt, insbesondere der Florengebiete seit der Tertiärperiode I. Leipzig: Engelmann, 1879. 202 S.

Bunge A.A. Alexandri Lehmanni reliquiae botanicae // Arbeiten des Naturforscher Vereins zu Riga. 1847. Bd. 1. H. 2. S. 115–253.

Bunge A.A. Generis Astragali species gerontogae. Pars prior. // Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St-Petersbourg. 1868. Sér. 7. T. 1. № 16. P. 1–160.

Bunge A.A. Generis Astragali species gerontogae. Pars altera. 1869 // Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St-Petersbourg. 1869. T. 15. № 1. P. 1–242.

Bunge A. Pflanzengeographische Betrachtungen über die Familie der Chenopodiaceen // Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St-Petersbourg, 1868. Sér. 7. T. 27. № 8. P. 1–36.

Fleischer J.G. Flora der deutschen Ostseeprovinzen Esth-, Liv- und Kurland. Mitau&Leipzig, 1839. 390 p.

Hehn V. Kulturpflanzen und Haustiere in ihrem Übergang aus Asien nach Griechenland und Italien sowie in das übrige Europa. Berlin: Gebrüder Borntraeger, 1911. 665 p.

Glehn P. Flora der Umgebung Dorpat. Dorpat, 1860. 88 p.

Güttler N. Das Kosmoskop, Karten und ihre Benutzer in der Pflanzengeographie des 19. Jahrhunderts. Göttingen: Wallstein Verlag, 2014. 576 p.

Nehring A. Über Tundren und Steppen der Jetzt- und Vorzeit, mit besonderer Berücksichtigung ihrer Fauna. Berlin, 1890. 250 p.

Russow E. Flora der Umgebung Reval Dorpat, 1862. 122 p.

Willkomm M.H., Lang J. Prodromus florum hispanicae, seu synopsis methodica omnium plantarum in Hispania sponte nascentium. Vol. 1. Stuttgartiae, 1861. 360 p.

Dmitri Ivanovich Litvinov: Materials for a Biography

ANDREJ K. SYTIN

Komarov Botanical Institute RAS, St. Petersburg, Russia, astragalus@mail.ru

Dmitri Ivanovich Litvinov (1854–1929) was a taxonomist, plant geographer, and also a bibliographer and curator of the Botanical Museum of the Academy of Sciences. He developed a scientific approach for plant geography (theory of relicts), which to a great extent influenced the study of the vegetation of Eastern Europe. The article highlights the discussions between D.I. Litvinov and V.I. Talijev who opposed the theory of relicts with his own concept of anthropogenic factor in transformation of flora. The article is based on the works of D.I. Litvinov and periodicals of his time, and it includes an appendix with the materials of Litvinov's personal fonds from the St. Petersburg Branch of the Archives of the Academy of Sciences.

Keywords: Dmitri I. Litvinov, biography, history of flora, theory of “mountain millet-grass”, relicts, V.I. Talijev, theory of anthropogenic origins of plant communities.